

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Введение.....	7

Раздел первый

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

Глава	I. Историография проблемы этногенеза башкир. Основные источники.....	16
Глава	II. Накопление материала по этническому составу и истории расселения башкир. Башкирская этнонимия.....	42

Раздел второй

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКИХ ПЛЕМЕН

Глава	III. Географические группы башкир в XVII—XIX вв. . . .	88
Глава	IV. Юго-восточные башкиры.....	107
Глава	V. Северо-восточные башкиры.....	194
Глава	VI. Юго-западные башкиры.....	299
Глава	VII. Северо-западные башкиры.....	316

Раздел третий

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИР И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ

Глава VIII.	Этнические процессы в Приуралье во второй половине I тыс. н. э. Сложение древнебашкирского этноса	376
Глава IX.	Этническая история башкир в XI—начале XIII в.	450
Глава X.	Этническая история башкир в XIII—XVI вв. Формирование башкирской народности.....	463
Заключение.....		507

КАРТЫ

Карты.....	512
Литература и источники.....	529
Список сокращений.....	551
Указатель этнических и родо-племенных названий.....	553
Указатель географических названий.....	561

Р. Г. КУЗЕЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ,
ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО <НАУКА>
МОСКВА 1974

Ответственный редактор
Т.А. ЖДАНКО

К 042 (02)-74 -БЗ-88-3-73

Издательство «Наука», 1974 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция — поворотный момент в исторических судьбах народов России. Она «явилась главным политическим условием осуществления коренных социально-экономических преобразований, претворения в жизнь ленинской программы по национальному вопросу, возникновения советских республик»¹. Впервые в истории в нашей стране «сложилась новая историческая общность людей — советский народ»². Формирование и развитие советского народа — многонациональной и в то же время глубоко интернациональной по своей сущности социально-политической общности — является выражением диалектического единства процессов расцвета и сближения наций и народностей СССР. Эти процессы взаимно влияют и усиливают друг друга, одновременно способствуют развитию, обогащению национальных культур и сплочению советского народа как новой исторической общности людей.

Исторический опыт Коммунистической партии Советского Союза в области национально-государственного строительства, ее деятельность, направленная на обеспечение сотрудничества и дружбы народов в процессе строительства социализма и коммунистического общества, умелое сочетание национальных особенностей народов с коренными социальными интересами трудящихся имеет непреходящее международное значение и вызывает все возрастающий практический интерес у прогрессивных сил во всем мире.

В советской науке активно и глубоко изучают современное состояние и тенденции развития этнических процессов. Определе-

---

¹ «О подготовке к 50-летию образования Союза Советских Социалистических Республик». Постановление ЦК КПСС от 21 февраля 1972 г. М., 1972, стр. 3.

² «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 203.

ние этих тенденций, прогнозирование в области этнических отношений является одной из важнейших сфер деятельности советской этнографии и этносоциологии. За последние годы достигнуты важные результаты³. В то же время изучение современных этнических процессов (как правило, пространственно-структурных) всегда нуждается в дополнении исследованиями этнических общностей в историко-генетическом плане. Задачи глубокого проникновения в сущность развития социально-этнических процессов в эпоху развитого социализма, всестороннего познания механизма сближения наций и их культур требуют внимательного изучения этнокультурных процессов в прошлом: происхождения данной этнической общности; установления различных компонентов, из которых эта общность формировалась; выяснения конкретно-исторического содержания многосторонних процессов взаимодействия и взаимовлияния, ассимиляции и интеграции, которыми сопровождалось развитие изучаемого этноса и его культуры. Этногенетические исследования, реконструкции древних, средневековых и более поздних этапов истории позволяют показать, что все современные народы имеют этнически смешанный состав, что их культуры — результат сложнейшей эволюции, что взаимодействие и сближение этносов и их культур всегда были объективной закономерностью, что тезисы о «расовой чистоте», «национальной исключительности» отдельных народов, «исконности» их культур являются буржуазно-националистическими измышлениями, направленными против интернациональной солидарности трудящихся всех наций. Этногенетические исследования, проведенные с позиций марксистско-ленинской теории, имеют большое познавательное значение, так как они помогают понять истоки формирования и пути развития народов и национальных культур, многих сложных этнокультурных явлений, находящихся к тому же в состоянии постоянного развития. Этим, очевидно, можно объяснить то, что в советской этнографии большое и все возрастающее внимание уделяется теории этнических процессов в разные исторические эпохи⁴. Настоящая книга посвящена исследованию этнической истории одной из социалистических наций СССР — башкир.

---

³ См., например: *М. И. Куличенко*. Национальные отношения в СССР и тенденции их развития. М., 1972; «Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований». М., 1973.

⁴ См.: *В. Ф. Генинг*. Этнический процесс в первобытности. Свердловск, 1970; *Ю. В. Бромлей*. Этнос и этнография. М., 1973.

ВВЕДЕНИЕ

История Башкирии и башкирского народа¹ изучена неравномерно. В огромном потоке исторической литературы по Башкирии, опубликованной в XIX—XX вв.², исследований по древней и средневековой истории чрезвычайно мало. Имеющаяся литература, прежде всего дореволюционная, с точки зрения построения общей концепции древней и средневековой истории башкир и Башкирии, не всегда безупречна. Еще в XIX в. наметилась тенденция рассматривать Башкирию эпохи древности и средневековья как относительно замкнутый район. Анализ сложных этнокультурных, хозяйственных и социально-политических процессов, опирающийся на оценки, имеющие преимущественно региональное значение, неизбежно вел к сужению исторического фона исследования, к этноцентризму в оценке исторических фактов и явлений.

История Башкирии на разных этапах может быть глубоко изучена только во взаимосвязи с историческими процессами того этнополитического мира, частью которого она являлась. В VIII—X вв., когда башкиры впервые упоминаются в восточных источниках, они входили в огромный, преимущественно тюрко-угорский, этнический мир, раскинувшийся на обширной территории от Алтая до Причерноморья. Средневековую жизнь башкир (X—XVI вв.) надо рассматривать в тесной связи с историей печенегов, огузов, волжских булгар, кыпчаков, монголов, а также с историей Золотой Орды и возникших на ее развалинах феодальных ханств. С XVI в., когда Башкирия становится частью Русского государства, башкиры оказались в сфере сильного и многостороннего влияния совершенно иного мира, находящегося на более

¹ Численность башкир в СССР, по данным переписи 1970 г., 1240 тыс. человек.

² Библиографию см.: *Никольский*, 1899; МИБ, 1936, стр. 497—511; ОИБ, 1956, 289—300; *Иванков*, 1969, стр. 474—498.

высокой ступени развития. Взаимодействие различных тенденций в социально-экономическом, этнокультурном и политическом развитии, приведшее к существенным сдвигам в исторической судьбе этого народа, является основным содержанием истории Башкирии в последующие после присоединения к России столетия. Таков в очень крупных масштабах исторический фон, на котором развивались события башкирской истории.

Исследователь, поставивший перед собой задачу реконструировать сложнейшую картину этнической истории башкир, неизбежно встает перед необходимостью изучать, а в ряде случаев по-новому решать многие общие вопросы древней и средневековой истории Башкирии и ее населения. Главной же трудностью является отсутствие или недостаток источников, на основе которых можно было бы развернуть страницы прошлой истории башкирского народа.

Известно, что башкиры не имели своей письменности. Вместе с исламом суннитского толка к ним проникла арабская письменность. Ею башкиры пользовались вплоть до начала XX в. Время приобщения башкир к мусульманской религии (и соответственно заимствования арабского письма) с достоверностью не установлено. В X в. башкиры не были еще мусульманами (Ибн-Фадлан, 1939); судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV—XV вв. (Бартольд, 1964а, стр. 316; 1968в, стр. 494; Катанов, 1920, стр. 3; Вельяминов-Зернов, 1859, стр. 257—287). Наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в., но и они дошли до нас в поздних копиях (БШ, 1960, стр. 177—178). Аутентичные тексты (на так называемом языке тюрки) датируются лишь XVII—XVIII вв. Это хранящиеся в ЦГАДА различного рода челобитные, купчие записи, письма башкирских старшин представителям царской администрации. Количество выявленных текстов невелико. В научный оборот введено несколько десятков документов, опубликованных в подлинниках или в переводах частью на рубеже XIX—XX вв. (Добросмыслов, 1900), а в большинстве случаев — недавно (МИБ, 1949, стр. 577; 1956, ч. I, приложения). К XVII—XVIII вв. относится также появление массового документального материала по истории Башкирии на русском языке. Этот материал, в значительной части опубликованный (МИБ, 1936, 1949г, 1956, 1960) или подготовленный к публикации³, представляя исключительную ценность для изучения политической и со-

³ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. МИБ, т. VI, VII.

циально-экономической истории Башкирии в XVII—XVIII вв., не затрагивает по существу проблем более ранней истории башкир. История башкир и Башкирии до XVI в. находится за пределами собственно башкирских и вообще автохтонных письменных источников.

Исследователи истории многих народов Евразии черпают сведения из двух сокровищниц. Прежде всего они изучают сочинения древних и средневековых авторов: западных и восточных историков и путешественников. В последние десятилетия в связи с успехами археологии первостепенное значение придается археологическим источникам. Как обстоит дело с указанными видами источников применительно к истории Башкирии?

С IX—X вв. башкиры, расселяясь в Приуралье и находясь с тех пор на периферии степного мира, оказались вне пределов обычных маршрутов восточных и европейских путешественников. Лишь один Ибн-Фадлан оставил описание башкир Приуралья, которое опирается на личные наблюдения. Во всех остальных случаях (Ибн-Русте, Масуди, Гардизи, Идриси, В. Рубрук, П. Карпини и др.) сведения о башкирах заимствованы из не дошедших до нас сочинений более ранних путешественников или почерпнуты из устных рассказов и поэтому отрывочны и чрезвычайно противоречивы (Заходер, 1962; Реруи, 1959). И все же свидетельства средневековых авторов могут служить отправной базой для решения некоторых ключевых вопросов этнической истории башкир, но исчерпывающая историческая интерпретация этих сообщений возможна лишь на широком историческом фоне, разработанном с привлечением всей совокупности источников.

Археологическое изучение Башкирии в широких масштабах началось два десятилетия назад (Бикбулатов, Мажитов, 1969). Сейчас накоплен значительный материал, который впервые обобщен в нескольких монографиях и многочисленных статьях и сборниках (А. П. Смирнов, 1958; Сальников, 1967; Мажитов, 1968; БАС, 1959; АЭБ, 1962, 1964, 1968, 1971). Однако весь этот материал относится по существу к «добашкирскому» периоду истории Башкирии. Этническая история башкир IX—XVI вв. археологическими исследованиями не освещена или освещена очень слабо. В последние годы на территории Башкирии изучена небольшая, но интересная серия памятников IX—XI вв., которая археологами связывается с тюркоязычными кочевниками или с собственно башкирами (Садыкова, 1959; Мажитов, 1964а). В целом же археология лишь вступила на путь создания общей концепции этнической истории башкир с древнейших времен до формирования их в народность. Объясняется это не только недо-

статочной изученностью средневековых памятников Башкирии. Серьезные трудности создаются неустойчивостью, а точнее, неотработанностью критериев выделения археологических культур в степном мире и чрезвычайной относительностью определений этнической принадлежности племен той или иной культуры в I тыс. н. э. Сдерживающим моментом в широкой интерпретации археологического материала является также позиция крайнего автохтонизма, занятая некоторыми археологами в изучении этногенеза башкир (Мажитов, 1971, стр. 13). Эти обстоятельства заставляют, отдавая должное археологическим источникам и используя их при изучении древней истории края, признавая постоянно возрастающую роль археологии в исследовании исторических проблем эпохи средневековья, все же с критической осмотрительностью привлекать результаты археологических изысканий при разработке общей концепции этногенеза башкир.

Значительный вклад в исследование древней и средневековой истории Башкирии и башкир может внести историческая этнография. И не только потому, что историческая этнография, разрабатывая свойственные ей проблемы этногенеза, истории культуры и родового строя, может с большим эффектом использовать дошедшие до нас немногочисленные свидетельства средневековых хронистов, писателей и путешественников. Изучая этнографические явления на обозримом для фиксации периоде (вторая половина XIX—XX в.), отталкиваясь от этой достоверной действительности и сопоставляя полученный материал с письменными и иными источниками предшествующих веков, историческая этнография в состоянии делать плодотворные ретроспективные реконструкции. Эти возможности исторической этнографии особую ценность имеют при изучении истории бывших кочевников. Исследователи довольно часто вынуждены отмечать, что письменные источники по истории кочевников (там, где они имеются) не отражают во всех нюансах внутренних особенностей социальной организации скотоводческого общества, специфики хозяйства, а тем более сложных явлений этнической истории.

Перед исторической этнографией, таким образом, в использовании накопленных ею фактов стоит трудная, но реальная задача. Заключается она в том, чтобы сомкнуть полевой этнографический материал, относящийся к XIX—XX вв., с историческими, археологическими и другими источниками предшествующих веков, скоррелировать их и на этой общей основе создать качественно обновленную источниковедческую базу для изучения этнических, хозяйственно-культурных и социальных проблем истории башкир эпохи древности и средневековья. Реализация намечен-

ного подхода к использованию этнографических источников (при широком хронологическом диапазоне изучаемого периода) требует тщательности в выборе методов и приемов исследования. Особенно важны вопросы достоверности, датировки, репрезентативности материала.

Основным направлением повышения эффективности этнографических источников и объективности исторического повествования является расширение рамок исследования как в плане территориальном, так и в хронологическом. Соответственно необходимо привлечение разнообразного сопоставимого материала, установление на его основе преемственных и иных связей между удаленными друг от друга территориями или временем, фактами и событиями. В этом мы видим один из аспектов реализации комплексного метода в изучении этногенетических проблем, который автором трактуется не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов.

Особое значение имеет массовость исходного материала, репрезентативного по всему этносу. Сравнительно-исторический метод превращается в примитивный компаративизм, если к историческим сопоставлениям привлекается случайно подобранный этнографический материал, вырванный из контекста исторических событий, или же материал, хотя и обширный, но не отражающий изучаемого явления во всей его совокупности. В методическом отношении широкая представительность мобилизуемых источников обеспечивает возможность системного анализа этнической истории народа, позволяет повысить качество датировки этнографического материала путем его стратиграфического членения с привязкой выделенных пластов культуры к определенным историческим эпохам⁴.

В силу некоторых научных традиций, а также успехов в области археологии и сравнительно-исторического языкознания этногенетические исследования по башкирам акцентируют внимание на ранних этапах этногенеза, а точнее — на происхождении той племенной общности, которая явилась или могла явиться ядром в формировании башкирской народности. Однако такое понимание сущности проблемы этногенеза башкир не является исчерпывающим. В последние годы хронологические рамки этногенетических исследований существенным образом раздвигаются: происхожде-

⁴ Специально об этом см.: Кузеев, 1973.

ние народностей рассматривается как длительный процесс — от возникновения первичных этнических образований в глубинах первобытности до формирования самой народности и тех основных признаков, которые до настоящего времени определяют ее этнический облик (Чебоксаров, 1967; Бромлей, 1970). Отмеченная постановка проблемы заставляет говорить не столько о происхождении, сколько о сложении башкирской народности.

Вопрос об этническом ядре или об этнических компонентах, легших в основу формирования народности, рассматривается в этом свете как составная часть более широко поставленной проблемы. Именно поэтому в исследование вовлекается материал по поздним этапам этнической истории. Поздние этапы этнической истории не только у башкир, но и у некоторых других народов Восточной Европы являются определяющими в формировании их современных этнических признаков. Так, затянувшиеся дискуссии о болгарской основе татарского или чувашского этногенеза, угромagyarской или исключительно древнетюркской основе башкирского этногенеза, независимо от их исхода, едва ли в состоянии удовлетворительно объяснить происхождение и развитие совокупности этнических показателей, определяющей нынешний облик этих народов: языка, культуры, физического типа и др.

К объяснению этих вопросов можно прийти, изучая этнические процессы в IX—XVI вв., когда в обстановке усложнения социально-экономической и политической истории в обширной зоне смыкания степных и земледельческих племен активизировались тенденции к консолидации этнических групп, приведшие в конечном итоге к сложению ряда народностей Восточной Европы и Средней Азии. Поэтому исследования, направленные к реконструкции древнейших этапов этногенеза башкир, лишь одна из необходимых линий решения общей проблемы. Другая важная линия — изучение поздних этапов этнической истории. В настоящей работе одним из исходных является положение, согласно которому разработка общей схемы этнической истории башкирского народа осуществляется на базе исследования этнических процессов на всех этапах их развития. Такой подход создает наиболее благоприятные предпосылки для осуществления в этническом исследовании принципа последовательного историзма, органически вытекающего из марксистско-ленинской концепции истории народов мира. Историческая этнография в силу особенностей ее источников наиболее результативно может изучать поздние периоды этногенеза, хотя обычно стремится охватить проблему в целом.

Из всей совокупности этнографических материалов, использованных в процессе исследования, важное значение придано сведе-

ниям по этническому составу башкир. Историко-этнографические исследования по народам Средней Азии, Сибири и Восточной Европы (Жданко, 1950; Абрамзон, 1960, 1971; Долгих, 1960; Потапов, 1969 и др.) убедительно показали, что реконструкция этнического (родо-племенного) состава⁵, картографирование этого материала, выяснение истории расселения составных частей народа и сопоставление полученных результатов с другими источниками открывают широкие возможности для плодотворного изучения как раз тех этапов этнической истории народов, в процессе развития которых происходило становление их современного этнического облика.

Принципиальное значение детальной реконструкции этнического состава тюркских народов для изучения этнолингвистических проблем настойчиво подчеркивалось и подчеркивается в языковедческой литературе (Радлов, 1887; Кононов, 1958; Rasanen, 1961; Nemeth, 1966 и др.). В соответствии с этим нами уделено большое внимание разработке этнического состава и истории расселения башкир в XVII—XIX вв. Но главным содержанием исследования стало изучение исторического процесса сложения и формирования этнического состава башкирского народа. Выполнение этой задачи обусловило, естественно, широкое вовлечение в сферу исследования не только историко-этнографических данных по собственно башкирской истории (исторические предания, легенды, эпос и др.), но и материалов по родовой системе многих тюркских и финно-угорских народов, в разное время участвовавших в этнических процессах на огромной территории от Волги до Алтая.

Процесс сложения этнического состава народа является основной канвой истории его формирования. Раскрытие этого процесса

⁵ В историко-этнографической литературе по народам Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири нет четкого разграничения в понятиях «этнический» и «родо-племенной» состав. Исследование этнического состава этих народов имеет в виду прежде всего установление традиционной родо-племенной номенклатуры, хотя применительно к истории XVII—XIX вв. более правомерно вести речь об этническом составе. Специфика истории башкир (и не только башкир) заключается в том, что в их состав издавна вливались инородные группы населения, которые принимали традиционные формы родо-племенных организаций (род — сарт-калмак, родовые подразделения — каракалпак, казах, татар, мишар, калмак, ногай, чуваш, черемис и др.). Отнесение подобных образований к разряду «родо-племенных» без существенных оговорок невозможно, хотя их выделение в общей родо-племенной системе башкир весьма важно в плане изучения этнической истории. Таким образом, понятие «этнический состав» шире и точнее отражает сущность темы: оно подразумевает как установление традиционного родо-племенного состава, так и выделение групп населения, влившихся в башкирскую среду преимущественно в XVII—XIX вв.

существенным образом облегчает и приближает разработку общей схемы этнической истории народа. Успехи, достигнутые в этой области советской этнографией, сделали такие изыскания по этногенезу башкир вполне возможными. Создание же монографий, обобщающих в сравнительно-историческом плане колоссальный материал по родо-племенной системе и этнической истории тюркских, финно-угорских и других народов, — задача будущего.

На все печатные издания (как на публикации документов и материалов, так и на исследования) ссылки даны непосредственно в тексте; указаны фамилия автора или составителя, год издания, страницы. Список изданий, на которые имеется ссылка, читатель найдет в конце книги. Ссылки на полевые дневники экспедиций, материалы научных архивов и рукописных фондов учреждений, а также на другие неопубликованные источники сокращены до минимума и даны подстрочно. Нумерация таблиц дана по главам. Нумерация карт сплошная по всей работе.

Написание всех башкирских терминов дается по правилам современной башкирской орфографии с учетом различий в произношении слов в живой речи.

Автор считает приятным долгом выразить признательность сотрудникам Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, которые своими замечаниями, дополнениями и критикой способствовали появлению этой книги.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
БАШКИРСКОГО НАРОДА

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Этногенез башкир принадлежит к числу малоизученных и наиболее сложных проблем современной исторической науки. За двести с лишним лет, в течение которых отечественная и зарубежная наука проявляла неизменный интерес к проблеме происхождения башкир, создано немало гипотез и высказано множество мнений. Все они посвящены древним этапам башкирского этногенеза и не затрагивают исторического процесса становления народа в целом. В зависимости от источников, на которые опирались исследователи, предками башкир назывались сарматы или волжские булгары (Гатищев, 1962), племена, родственные ногайцам (Рычков, 1762), финно-угры (Уйфальви, 1877), гунны или уйгуры (Мерэсов, 1925; 1926) и т. д.

Неточное освещение исторической перспективы или отсутствие общей картины в изучении исторического явления ведет к гипертрофированному выделению тех или иных аспектов проблемы. В проблеме этногенеза башкир наиболее дискуссионным оказался вопрос об угорской или тюркской основе башкирского этноса. В прямой связи в нем возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства или, как ее обычно именуют, «башкиро-мадьярская проблема». Разработка этнической истории башкир велась и в значительной степени ведется сейчас под знаком дискуссии и неугасающих споров между сторонниками «тюркской» и «угро-мадьярской» гипотез происхождения башкирского народа. Возникновение и развитие указанных гипотез в основном сводится к следующему.

Первое письменное упоминание о башкирах в Волго-Уральской области относится к 922 г. н. э. Уже тогда их принадлежность к тюркам не вызывала сомнений, во всяком случае, у автора

этих сведений Ахмеда ибн-Фадлана — одного из членов посольства халифа Ал-Муктадира к волжским булгарам (Ковалевский, 1956, стр. 130). Позднее (в 1073—1074 гг.) в «Словаре тюркских языков» известного филолога средневековья Махмуда ал-Кашгари башкиры со всей определенностью назывались среди 20 «основных» тюркских народов, а язык башкир причислялся к тюркским (МК, 1960, стр. 66).

Собственно письменная история венгерского народа начинает создаваться с конца IX в. н. э.

Однако сохранившиеся свидетельства путешественников средневековья, древние венгерские хроники и некоторые другие источники (Аннинский, 1940; Gyorffy, 1948; Эрдели, 1967) позволяют проследить, правда очень отрывочно, историю древних венгерских племен за несколько предшествующих столетий. Есть основания полагать, что в середине и во второй половине I тыс. н. э. крайний восток Европы, т. е. примерно территорию юго-западного Приуралья, включая заволжские степи, населяли угорские (в том числе древневенгерские) племена. На этой территории мадьяры или некоторые мадьярские племена были зафиксированы восточными авторами X—XI вв. Ибн-Русте, Ал-Бакри и Гардизи, сообщения которых восходят к источникам более раннего времени, по крайней мере, к IX в. (Тизенгаузен, 1884; Хвольсон, 1869; Куник и Розен, 1878; Бартольд, 1897). Позднее эти сведения были повторены в сочинениях. Ал-Идриси (XII в.), Ал-Казвини (XIII в.), Якута ал-Хамави (XIII в.), Ибн-ал-Асира (XIII в.), Абул-Фида (XIII—XIV вв.) и других, которые, однако, наряду с мадьярами знали на той же территории и башкир. Следуя установленной в арабо-персидской литературе традиции, указанные писатели воспроизводят заимствованные у предшественников сообщения о мадьярских племенах в Поволжье, но под влиянием новых сведений о приуральских башкирах смешивают древних венгров и башкир, принимая их за один и тот же народ. В ряде случаев восточные писатели «башкирами» называют венгров, ничего не упоминая о собственно башкирах.

Дальнейшие события древневенгерской истории также дают повод для отождествления башкир и венгров. Примерно в VIII—начале IX в. основная часть древних мадьяр, подхваченная волной «великого переселения народов», двинулась на запад. В начале IX в. сильно трансформировавшиеся от долгого соприкосновения с тюркскими и иранскими племенами мадьяры были зафиксированы источниками в Донско-Кавказской области и в Причерноморье. Двигаясь далее на запад, венгерские кочевники после ожесточенной схватки с древними насельниками плодородной Дунай-

² Р. Г. Кузеев

ской долины — славянами и аварами осели на территории своей нынешней родины (Мольнар, 1955; Артамонов, 1962; Moravcsik, 1970; ИВ, 1971).

В составе венгров византийскими источниками первой половины X в., в частности в сочинении Константина Багрянородного, названы несколько племен, этнонимы которых имеют параллели у башкир (КБ, 1934).

Следовательно, можно заключить, что часть венгров осталась на древней родине, где-то к востоку от Волги, или мигрировала туда после ухода основной части мадьярских племен в Паннонию с юга, с территории Донско-Кавказской области. Через три столетия их потомков обнаружил доминиканец Юлиан, который дважды (в 1235—1237 и 1237—1238 гг.) предпринимал рискованные путешествия на Восток с целью найти соплеменников и обратить их в христианство. Выйдя в путь из доминиканского монастыря в Венгерском королевстве, Юлиан с невероятными лишениями достиг Волжско-Булгарского царства, где близ «большой реки Этиль» встретил кочевавших там восточных венгров, объяснявшихся с ним на своем родном языке (Аннинский, 1940, стр. 81). Успех первого визита побудил Юлиана ко второму путешествию, но оно оказалось безрезультатным из-за разразившегося монгольского нашествия. Таким образом, Юлиан остается не только первооткрывателем, но и единственным очевидцем древней Венгрии, так как другие миссионеры до Юлиана — доминиканец Отто, несколько позднее минорит Иоганка Венгр — получили о ней сведения опосредованным путем.

Брат Юлиана Рихард, составивший описание его путешествия, ничего не сообщил о башкирах, вероятно, потому, что Юлиан до них не добрался. Это обстоятельство оказалось одним из отправных во всякого рода преувеличениях (в том числе и в идентификации башкир с венграми), которые допускали в своих сообщениях последующие средневековые авторы, лично с башкирами не сталкивавшиеся и выдававшие за свои наблюдения нечеткие представления случайных информаторов и соответственно своим взглядам прокомментированные сведения предшественников. Именно в этом плане приходится рассматривать путевые записки западноевропейских вояжеров середины XIII в. - католических монахов Плано Карпини, Бенедикта Полония и Гильома де Рубрука. Карпини и Бенедикт, тем более Рубрук, проехали на несколько сот километров южнее страны, которую они в своих записках называют Баскарт, Баскурд, Паскатир, во всех трех случаях отождествляя ее с прародиной венгров (ПВС, 1957). Не могли, следовательно, они знать и разговорной речи тамошнего

(башкирского) населения. В то же время образованным путешественникам-миссионерам были, очевидно, известны не только записки Рихарда о прародине венгров на Волге, но и арабская литературная традиция X—XIII вв., не различавшая строго башкир и венгров. Попытки совмещения противоречивых исходных данных средневековой восточной и западной науки приводят Карпини и Рубрука (Бенедикт же попросту заимствовал свои «открытия» у своего метра Карпини) к выводам, среди которых положения о тождественности древней территории венгров и Древней Башкирии и соответственно башкирского и венгерского языков были заимствованы новой и новейшей наукой. По мнению венгерского исследователя Й. Переньи, сообщения Карпини и Рубрука в отношении древней территории венгров и Древней Башкирии являются примером типичного для средневековой науки компилятивного метода умозрительных заключений и некритического использования источников (Perenyi, 1959).

Такова историко-фактологическая основа появления угромagyarской и тюркской гипотез происхождения башкир. С позиций современного уровня наших знаний мы можем достаточно четко сформулировать вопросы, которые остаются нерешенными: была ли в Волго-Уральском регионе древняя Венгрия и если была, где она точно находилась; осталась ли в VIII—IX вв. на старой родине какая-то часть венгров и, если осталась, какую роль она сыграла в этногенезе башкир; могла ли в эту же эпоху какая-то часть мажарских племен мигрировать в Волго-Уральскую область с юга, из районов Донско-Кавказской области; ассимилировались ли древнемажарские группы в составе тюркских племен Приуралья и Поволжья или же, напротив, именно они составили этническое ядро формирующейся башкирской народности?

Ответ на любой из этих вопросов требует мобилизации различных источников. Вплоть до конца XIX в. накопление источников шло, однако, чрезвычайно медленно. Тем не менее сведения средневековых западных и восточных путешественников дали повод многим ученым, начиная с XVIII в., выступить с идеей башкиромagyarской этнической общности в эпоху древности. Создателями и первыми последователями угорско-мажарской гипотезы происхождения башкир можно считать И. Страленберга (Strahlenberg, 1730, стр. 61), И. Фишера (1774, стр. 78—79), А. Л. Шлецера (1813, стр. 339), С. Клапрота (Klaproth, 1826, стр. 275), П. И. Шафарика (1847, стр. 242), В. В. Гумбольта, М. Кастрена (Gastrens, 1857, стр. 92). Особенно настойчиво о родстве древних венгров и башкир говорили И. Фишер и А. Л. Шлецер. Но в виде закончен-

ной концепции эту идею изложил известный семитолог, академик Д. А. Хвольсон (1869). В отличие от своих предшественников, которые в качестве основного аргумента оперировали сообщениями Карпини и Рубрука, Д. А. Хвольсон обратился к восточным авторам — от Ибн-Русте (X в.) до Шокраллаха (XV в.). Вывод Д. А. Хвольсона базируется на сугубо филологическом анализе этнонимов *башкорт* и *мадьяр*, которые, по его мысли, были совершенно тождественными так же, как была единой древняя угорская основа венгерской и башкирской народностей. Концепция Д. А. Хвольсона имела многочисленных последователей среди историков и антропологов конца XIX в. (Г. Уйфальви, И. Н. Березин, С. В. Ешевский, Э. Реклю и др.). Она имела известное влияние и на историко-лингвистические исследования, хотя в этой области более значительной оказалась роль работ Б. Мункачи, стремившегося обосновать существование башкиро-венгерских связей на основе выдвинутого им тезиса о приходе мадьярских племен на Волгу вместе с булгарами из района Северного Кавказа (Munkachy, 1894). Среди последних укажем еще на две работы венгерских ученых — Д. Месароша и Д. Немета, одинаковых по названию («Великая Венгрия»), сходных по выводам (башкиры по происхождению — часть древних венгров), хотя и различных по привлеченному материалу и методам исследования (Meszaros, 1910; Nemeth, 1929). В сравнительно недавнее время теория башкиро-венгерского родства и идея угорского происхождения башкир были вновь подновлены, на этот раз на основе так называемого биогеографического метода в лингвистических исследованиях (Хайду, 1953) или же с привлечением уже известных сообщений средневековых путешественников (Dacsy, 1965, стр. 149-150).

Угорская гипотеза происхождения башкир в историко-этнографической литературе стала традицией. В новых исследованиях к ней обращаются многие авторы (Толстов, 1948, стр. 246; Шастина, 1957, стр. 211; Токарев, 1958, стр. 193; Артамонов, 1962, стр. 338 и др.), хотя за аргументацией почти во всех случаях читатели отсылаются к сочинениям Д. А. Хвольсона или его предшественников. Проникнув в ряд обобщающих изданий (ВСИ, III, 1957, стр. 478), угорская, или угро-мадьярская, концепция этногенеза башкирского народа стала одной из распространенных положений современной исторической науки.

Даже в период наибольшего развития (середина и начало второй половины XIX в.) угорская теория происхождения башкир и идея башкиро-мадьярского родства имели многочисленных противников. В конце XIX—начале XX в., когда начавшиеся антро-

пологические и историко-лингвистические изыскания показали чрезвычайную сложность этнической истории башкир, в научной литературе оформилась концепция тюркского происхождения башкирского народа. Наиболее отчетливо она сформулирована в сочинениях Н. М. Малиева (1876, стр. 14-15) и В. М. Флоринского (1874, стр. 729-730). Еще раньше в этом же духе высказались В. В. Вёльяминов-Зернов (1864) и финский ученый Д. Европеус (1868, стр. 66; 1874, стр. 3). Доказательства Малиева, Флоринского и Европеуса, построенные преимущественно на антропологическом и историко-лингвистическом материалах, оказали сильное влияние на исторические работы конца XIX-начала XX в. К тюркской теории происхождения башкир присоединились В. А. Новиков (1879, стр. 7), А. П. Богданов (1880, стр. 286-300), В. Н. Витевский (1897, т. I, стр. 118-218) и др. Однако уже тогда исследователи, которые наряду с использованием сравнительно-исторического метода оперировали в своей работе новым конкретным материалом, стремились преодолеть крайности как угорской (или мадьярской), так и тюркской теории башкирского этногенеза.

Развитие научной мысли, хотя и медленно, шло в направлении, которое в конечном итоге, отдав предпочтение идее тюркского происхождения башкирского народа, допускало (в том или ином масштабе) участие в его этногенезе угорского или финно-угорского компонента. Еще Д. Европеус, Н. М. Малиев и другие предполагали участие нетюркского компонента в происхождении башкирского народа. Но впервые мысль о тюркской основе башкирского этногенеза и некотором участии в нем предков венгров четко была сформулирована Х. Вамбери (Vambergy, 1885, стр. 514-517). Смешанность этнического состава башкир с преобладанием в нем тюркского (обычно ногайского или кыпчакского) компонента подчеркивали этнографы и антропологи П. С. Назаров (1890, стр. 164), С. Вайсенберг (Weissenberg, 1892, стр. 211-216), С. Соммье (1891-1892, стр. 22-34), А. Н. Абрамов (1907, стр. 1-55). Наиболее значительными в этом ряду были работы Н. А. Аристовой (1894, 1896) и Д. Н. Соколова (1898, 1904).

Крупный ориенталист и ученый с широкой эрудицией, Н. А. Аристов явился по существу пионером в области историко-этнографической интерпретации родо-племенной этнонимии и сопутствующих ей материалов в свете общих проблем этногенеза тюркских народов. Д. Н. Соколов впервые собрал (из архивных источников и во время поездки в южную Башкирию) более 800 башкирских тамг и удачно использовал их для доказатель-

ства древних этнических связей башкир с тюркскими племенами Алтая и Средней Азии. Работы Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова явились крупным этапом в развитии тюркской концепции башкирского этногенеза, хотя оба исследователя отмечали участие в этническом формировании башкирского народа и нетюркского, в частности финно-угорского, компонента. Выводы Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова о происхождении и этнической истории ряда башкирских племен (кыпчак, мин, табын и др.) не потеряли значения и сегодня. «Сведения о родах каракалпаков и башкир, — писал, например, Н. А. Аристов, — удостоверяют, что народности эти составились в значительной мере из тех же тюркских племен, как и киргиз-казаки» (1896, стр. 453). Слабым местом исследований Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова по этногенезу башкир была бедность использованной ими фактологической информации (Бартольд, 1968б). Оба исследователя в качестве исходного материала опирались (не имея собственного материала) на данные по родо-племенному составу волостной административной системы башкир, опубликованные еще в середине XVIII в. П. И. Рычковым (1762). Впрочем, как Н. А. Аристов, так и Д. Н. Соколов сами отмечали это обстоятельство, подчеркивая перспективность широкого изучения родо-племенного состава, тамг, преданий и старых рукописей тюркских народов в плане исследования их этногенеза. К сожалению, в ту эпоху этим советам как в отечественной, так и в зарубежной науке последовали немногие.

Исключением являются некоторые труды представителей национальной (башкирской и татарской) историографии, переживавшей в конце XIX—начале XX в. пору своего подъема.

В журналах «Шура», позднее в «Яны юл», «Башкорт аймагы» были опубликованы работы М. Хади (Бади, 1909), Р. Фахретдинова (Фохретдинов, 1909), Ж. Валидова (Вэлидов, 1912), Х. Атласова (1913), Г. Шарафа (Шэрэф, 1916), З. Надиева (1916), С. Мирасова (Мерэсов, 1924; 1925; 1926; 1927; 1927а), которые широко использовали родо-племенную этнонимии, предания, старые башкирские рукописные тексты для освещения тех или иных вопросов этнической истории. Работы этих авторов, написанные зачастую на краеведческом уровне и стоящие на некоторых крайностях в защите концепции исключительно тюркского происхождения башкир, имеют большую ценность по содержащемуся в них фактическому материалу. Особенно значителен вклад в разработку этнической истории внес С. Мирасов, который впервые собрал и ввел в научный оборот ряд этногенетических преданий и другие историко-этнографические материалы. Будучи хорошо знаком с восточными источниками и с современной ему

русской историко-этнографической литературой, С. Мирасов в понимании проблем башкирского этногенеза занимал позиции весьма сходные с точкой зрения Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова.

Крупным событием в изучении этнографии башкир явился двухтомник «Башкиры» С. И. Руденко (1916, 1925). Фундаментальное исследование С. И. Руденко посвящено описанию физического типа и преимущественно материальной культуры башкир. Несмотря на то, что автор не ставил целью разработку проблем этнической истории, его выводы о многосторонних (главным образом волжско-камских и восточнотюркских) этнокультурных связях башкир, о сложности их этнического и антропологического состава, о ведущей роли тюркского компонента в формировании башкирского этноса явились существенным вкладом в исследование проблемы башкирского этногенеза. При переиздании второго тома монографии С. И. Руденко дополнил его специальной главой «Вопросы этногенеза», в которой, опираясь в основном на материалы первого издания книги, более четко сформулировал отрицательное отношение к угорской теории и свою приверженность к тюркской концепции происхождения башкир. В то же время нельзя не отметить и некоторую противоречивость во взглядах С. И. Руденко на этногенез башкир (1955, стр. 351-352), что было замечено и другими исследователями (Алексеев, 1971, стр. 253-254).

Среди зарубежных исследований 1920—1930-х годов, отстаивавших идею тюркского этногенеза башкир, выделяются своей крайней последовательностью (вплоть до утверждения автохтонного происхождения большинства тюркских народов) работы турецких ученых (Kurat, 1937).

Развитие угорской и тюркской концепций этногенеза башкир и дискуссии между их сторонниками имели определенные положительные результаты. Заключаются они прежде всего в том, что к середине XX в. в научной литературе отчетливо наметилась точка зрения, которая, признавая обоснованность существования указанных гипотез, в то же время считала саму проблему значительно более широкой. Одновременно стало ясно, что дальнейшие исследования требуют накопления новых фактов. Интерпретация известных сообщений средневековых авторов без привлечения дополнительных источников по существу исчерпала себя. Успехи археологии, антропологии, исторического языкознания подсказывали необходимость разностороннего подхода к изучению проблемы.

Новый этап активных исследований в области древней истории Башкирии, которые неизбежно затрагивали и проблемы этноге-

неза, падает на послевоенный период. Особенности указанного этапа являются: значительные и постоянно возрастающие масштабы исследований многих сторон этнической истории башкир на основе достижений различных дисциплин — археологии, этнографии, антропологии, языкознания, фольклористики и др.; постепенный переход в послевоенные годы (в связи с обширностью накопленного материала почти во всех отраслях знаний) к осуществлению комплексного подхода в этногенетических исследованиях; наметившаяся тенденция к преодолению (в связи с обновлением на базе марксистско-ленинской науки теоретических и методических основ этногенетических исследований) крайностей традиционных концепций угорского или исключительно тюркского происхождения башкир и стремление рассматривать происхождение и формирование народностей как сложный, взаимосвязанный процесс постоянного развития этнокультурных, языковых и социально-экономических явлений на обширной территории и в диапазоне сравнительно длительного времени.

Значительные по масштабам археологические исследования в рассматриваемый период были сосредоточены преимущественно на изучении древней истории Башкирии. Благодаря обобщающим работам К. В. Сальникова (1967) и В. С. Стоколоса (1972) по эпохе бронзы, А. В. Збруевой (1952), А. П. Смирнова (1952, 1958), А. Х. Пшеничнюка (1971) и др. по эпохе железа появилась возможность констатировать этнические образования, последовательно сменявшие друг друга на территории исторической Башкирии с III тыс. до н. э. до рубежа нашей эры. Изучение этнической истории Башкирии I тыс. н. э. на основе археологических изысканий наибольших успехов достигло в последнее десятилетие. Исследованиями А. П. Смирнова (1958, 1971), Н. А. Мажитова (1964а, 1968), Р. Б. Ахмерова (1951, 1970), В. Ф. Генинга (1964, 1967), С. М. Васюткина (1968, 1971), М. Х. Садыковой (1959), Г. И. Матвеевой (1971) и других установлен чрезвычайно сложный этнический состав населения края в I тыс. н. э., т. е. в эпоху формирования племенных образований, сыгравших определенную роль в сложении древнебашкирского этноса¹. Один из важнейших выводов, установленных археологическими изысканиями, заключается в том, что территория Башкирии с древнейших времен до конца I тыс. н. э. была ареной постоянных и многочисленных контактов между разноязычными (иранскими, финно-угорскими, позднее — тюркскими) этническими

¹ Специально об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. по данным археологии см. гл. VIII.

группами, часть из которых вошла в состав племен, положивших начало башкирскому этносу. В то же время среди изученных археологических памятников Башкирии I тыс. н. э. не удалось выделить культуру, носителей которой можно было бы считать непосредственными и прямыми предками башкир. Перспективными являются начатые недавно исследования Н. А. Мажитова кочевнических курганных и грунтовых могильников VIII—X вв., которые, по предварительным данным, считаются им раннебашкирскими. Многочисленные попытки связать те или иные культуры (например бахмутинскую) или определенные культурные комплексы с археологических памятников Приуралья и Южного Прикамья с древними мадьярами также пока не дали положительных и достоверных результатов, на что уже было указано в литературе (Эрдейи, 1961). Лишь в недавнее время установлены сходные черты в погребальном обряде и в некоторых культурных признаках населения Венгрии «эпохи переселения народов» и племен Волго-Уралья конца I тыс. н. э., открывающие новые моменты в изучении этой проблемы (Халикова, 1971; Казаков, 1971).

В послевоенное время в изучении этнической истории башкир возрастает роль краниологических исследований, что непосредственно связано с накоплением палеоантропологических материалов археологическими экспедициями. Краниологию древнего населения Башкирии и собственно ранних башкир начали изучать еще антропологи конца XIX в. — Н. М. Малиев (1876), А. П. Богданов (1880), Чугунов (1893, 1896) и др. Результаты их исследований, несмотря на небольшой материал, которым они располагали, уже в то время показали широкие возможности краниологических изысканий в изучении этнической истории башкирского народа. Новому этапу работ по этнической антропологии древнего и средневекового населения Башкирии было положено начало Т. А. Трофимовой, обследовавшей черепа из Стерлитамакского могильника VIII—IX вв. (1952). В дальнейшем эти работы в значительных масштабах были продолжены М. С. Акимовой, исследования которой завершились монографической публикацией по антропологии древнего населения Приуралья (1968), и В. П. Алексеевым (1969, 1969а, 1971).

Одним из результатов краниологических исследований являются коррективы, которые они вносят в определения этнической принадлежности культур I тыс. н. э. на территории Башкирии (см. гл. VIII). Антропологами отмечена также чрезвычайная смешанность древнего и средневекового населения Приуралья, прослежены процессы взаимодействия местных и пришлых племен,

принадлежавших к различным (европеоидным, монголоидным, смешанным европеоидно-монголоидным) антропологическим типам, установлена преемственность ряда антропологических признаков приуральского населения, начиная, по крайней мере, с эпохи раннего железа до конца I тыс. н. э. Сопоставление результатов палеоантропологических изысканий с материалами антропологических исследований современных башкир позволяет в предварительном плане наметить основные вехи истории формирования антропологического состава и антропологических типов башкирского народа (Акимова, 1971). В то же время неравноценность краниологических данных по разным периодам и районам Башкирии, особенно отсутствие массового материала с поздних могильников, характеризующего население Башкирии в конце I-первых веках II тыс. н.э., ограничивают возможности исследователей в выявлении антропологических компонентов, вошедших в состав башкирской народности, и в определении их удельного веса в формировании физического типа той или иной группы башкир.

Поздние этапы этнической истории башкир успешно разрабатываются этнографами Башкирии. Наиболее значительными являются историко-этнографические исследования по декоративно-прикладному искусству (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964), народной одежде (Шитова, 1968), терминологии и системе родства башкир (Бикбулатов, 1964). Широкие сравнительно-исторические сопоставления систематизированного материала по этнографии башкир с аналогичными данными по народам Волго-Камья, Средней Азии, Казахстана и Алтая позволили этнографам показать длительный и чрезвычайно сложный процесс формирования башкирской культуры, выделить в ней пласты, которые можно связать с этническими компонентами, в разное время принявшими участие в становлении башкирского народа. Наряду с древними пластами в культуре башкир, восходящими по происхождению к местным, преимущественно финно-угорским, племенам, выявлены многие привнесенные и в конечном итоге преобладающие культурные признаки, этническое определение которых связывается с тюркскими племенами восточных районов страны, в частности с населением Западной и Южной Сибири.

Исследования в области исторического языкознания развивались в основном в плане выяснения возможных башкиро-финно-угорских и, в частности, башкиро-венгерских языковых связей.

Благодаря работам Д. Г. Киекбаева (1956), Н. Х. Ишбулатова (1967), Н. Х. Максютковой (1967), С. Ф. Миржановой (1969), Б. А. Серебренникова (1972), Т. И. Тепляшиной (1972) в языке башкир, равно как и у других тюркских народов Поволжья, уста-

новлены некоторые явления в фонетике, лексике, а также морфологии и синтаксисе, общие с финно-угорскими языками Волго-Камья. Эти исследования начаты сравнительно недавно и пока невозможно определить природу происхождения указанных явлений. Здесь приходится учитывать не только древние контакты тюркских племен с финно-угорскими, но и длительное территориальное соседство башкир, особенно северных, с населением Прикамья и Среднего Поволжья, что могло способствовать смешению представителей различных языковых групп и возникновению языковых и культурных заимствований.

В области башкиро-венгерских языковых связей новые исследования знаменуются возвращением к основному выводу, сформулированному еще в начале нашего столетия патриархом венгерской лингвистики Гомбоцом Золтаном, который писал: «Теория башкиро-венгерского родства — предание, в научном отношении лишенное всякой основы» (Gombocz, 1912, стр. 31). К отрицанию идеи башкиро-мадьярской языковой общности пришли на основе специальных изысканий советский ученый Б. А. Серебrenников (1963) и финский тюрколог М. Рясенен (Rasanen, 1960), хотя оба исследователя допускают возможность взаимодействия предков обоих народов в Приуралье или где-то к востоку от Урала. Аналогичные выводы содержатся в недавних работах крупнейших венгерских лингвистов Л. Лигети (Ligeti, 1964), Д. Немета (Nemeth, 1966) и англичанина Д. Клоусена (Clouston, 1962), которые проводят четкую грань между процессами этнокультурного и языкового развития. Возможное или вероятное взаимодействие и этническое смешение предков венгров и башкир, по мнению этих ученых, вовсе не означает единства происхождения их языков. Попытки многих исследователей доказать последний тезис не увенчались успехом. Особенно ценно в ряду указанных работ исследование академика Д. Немета о венгерских племенных названиях в башкирской этнонимии (1966). Привлечение новых материалов по этнонимии и их анализ в историко-лингвистическом аспекте позволили Д. Немету по-новому осветить древнюю историю венгерских племен, отказаться от ранее отстаиваемой им идеи башкиро-мадьярского родства и сформулировать тезис, согласно которому башкирский и венгерский народы имели самостоятельные пути этнического становления с древнейших времен.

В целом большинство лингвистов в настоящее время придерживается точки зрения, полагающей, что языки венгров и башкир, принадлежащие к двум разным языковым семьям, не дают сколько-нибудь доказательной основы для теории башкиро-мадьярского родства, хотя в характеристике каждого из них содер-

жаты некоторые элементы, свидетельствующие об их контактах и взаимодействии в прошлом.

В общей проблеме этногенеза башкир одной из сложных является тема о башкиро-татарских этногенетических контактах. Известно, что башкирский и татарский языки в ряду других тюркских языков характеризуются наибольшей близостью. Это недавно подтвердили исследования Ф. С. Фасеева в Казани (1969) и Т. М. Гарипова в Уфе (1972), проведенные методом сравнительно-статистического анализа лексики тюркских языков Урало-Поволжья. Близость языков свидетельствует, и с этим согласно большинство ученых, об общности путей этнического развития башкир и татар на нескольких или многих этапах их истории. Однако в установлении хронологических рамок общих этапов этнической истории башкирского и татарского народов и особенно в определении тех компонентов, которые обусловили близкое родство их языков, существуют различные взгляды, иногда весьма далекие друг от друга.

До недавнего времени вопрос об общности и различиях в этнической характеристике башкир и татар дискутировался в основном в историко-лингвистическом аспекте. Это нашло косвенное отражение в определении места татарскому и башкирскому языкам в классификационной схеме кыпчакской группы (или общности) тюркских языков по этническому (кыпчакско-булгарская подгруппа — Баскаков, 1966) или географическому (волго-камско-западносибирская подобщность - Menges, 1968; урало-поволжская подобщность — Гарипов, 1972) принципам. В этногенетическом плане определение Н. А. Баскакова правомерно акцентирует внимание археологов и этнографов на ранних этапах этногенеза татар и башкир, связанных с историей Волжской Булгарии. На вероятное участие булгарского компонента в этногенезе башкир указывали С. И. Руденко (1955), А. П. Смирнов (1958). Эта тема специально рассмотрена Г. В. Юсуповым (1960, стр. 111-137) преимущественно на материалах «булгаро-татарских» эпиграфических памятников XIII—XVII вв. Однако история башкиро-татарских этногенетических контактов трактуется Г. В. Юсуповым исключительно в плане «влияния» булгар, а затем казанских татар на формирование башкирского этноса, что, естественно, невозможно принять в качестве единственной исходной позиции в изучении этой темы.

Заслуга широкой и методологически выдержанной постановки вопроса об общих процессах в этногенезе башкир и татар принадлежит А. Х. Халикову (1971; 1971а; 1972). Им выдвинута идея о неоднократной добулгарской тюркизации Волго-Уральского ре-

гиона, сыгравшей, по мнению А. Х. Халикова, решающую роль в сложении этнической основы татар и башкир (подробно см. гл. VIII). Определенное значение в формировании общих черт в этническом облике татар и башкир А. Х. Халиков придает и последующим этапам этнической истории обоих народов. Основная идея А. Х. Халикова о добулгарской тюркизации Приуралья и Волго-Камья подверглась критике археологов, придерживающихся иных взглядов об этнической принадлежности носителей тех археологических культур, которыми в своих доказательствах оперирует А. Х. Халиков (Смирнов, Корнилов, 1971). Отмечая резонность некоторых из этих возражений, заметим, что упомянутое выше определение К. Менгесом и Т. М. Гариповым места башкирского и татарского языков в кыпчакской языковой группе по географическому признаку также правомерно, если оно имеет в виду (кроме других признаков) общность этнических процессов в Волго-Уральской области и активность башкиро-татарских взаимодействий в сравнительно позднее время (XIII—XVI вв.). Этнические процессы в эпоху средневековья сыграли заметную роль в сближении татарского и башкирского языков, и это подтверждается проведенными недавно историко-лингвистическими изысканиями (Гарипов, 1972а).

Как видно из краткого обзора, история башкиро-татарских этногенетических контактов остается во многом неясной, а в ряде случаев — дискуссионной.

В мае 1969 г. в г. Уфе состоялась научная сессия Отделения истории и Башкирского филиала АН СССР по этногенезу башкир. Сессия подвела итоги проделанной работы и наметила основные направления будущих исследований. В итоговом постановлении участники сессии констатировали значительные масштабы исследований по древней истории и этногенезу башкир, расширение хронологических рамок проводимых изысканий, постепенное преодоление крайностей теорий автохтонизма и миграций в трактовке проблемы. Доклады и сообщения, прочитанные на сессии (НСЭБ, 1969), показали сходность взглядов многих ученых по ряду принципиальных вопросов башкирского этногенеза. В частности, участники сессии пришли к выводу, что в чрезвычайно сложных этногенетических процессах на территории Башкирии с древнейших времен участвовали этнические образования разного происхождения как автохтонные, так и пришлые; что проблема этногенеза башкир, несмотря на важное значение выявления первоначальных компонентов этноса, не исчерпывается изучением ранних этапов и предполагает расширение рамок исследования, по крайней мере, до середины II тыс. н. э.; что основным содер-

жанием этногенетических процессов на территории Башкирии во второй половине I тыс. н. э. было взаимодействие и смешение финно-угорских, сармато-аланских и тюркских племенных групп.

В то же время сессия отметила слабую изученность средневековых археологических памятников на территории Башкирии, недостаточно высокий уровень взаимопроникновения дисциплин (в частности археологии и этнографии) в исследовании проблемы этногенеза. Остались нераскрытыми или спорными многие вопросы этнической истории башкир, без выяснения которых создание общей концепции этногенеза невозможно. К ним, в частности, относятся этническое определение большинства археологических культур на территории исторической Башкирии в I тыс. н. э.; время, направление и масштабы проникновения тюрков в Волго-Уральский регион; роль финно-угров вообще и древних венгров в частности в этногенезе башкир; этническая характеристика племенных групп, явившихся компонентами в сложении башкирского этноса; территория формирования древнебашкирского этноса; общность и различия в этническом развитии башкир и татар; характер взаимодействия местного и пришлого компонентов и удельный вес каждого из них в формировании башкирской народности; значение поздних миграций в этнической истории башкир; социально-экономические и политические предпосылки, обусловившие консолидацию башкирской народности.

Все эти, а также многие другие вопросы затрагиваются и с той или иной полнотой рассматриваются в настоящей работе. Однако, учитывая общее состояние источников, автор не может претендовать на исчерпывающее их решение. Стремясь разработать общую схему этнической истории башкирского народа, он в ряде случаев, особенно при рассмотрении начальных стадий этногенеза, был вынужден ограничиться более или менее вероятными гипотезами и предположениями. В то же время массовость и достоверность материала по этническому составу башкир, достаточно прочная аргументированность средневековых этапов этнической истории башкирского народа не только подкрепляют, но и, на наш взгляд, в определенной степени гарантируют правильность произведенных нами ретроспективных реконструкций.

ИСТОЧНИКИ

Настоящее исследование написано с привлечением широкого круга источников. Автор, в частности, изучил доступные ему сочинения средневековых западных и восточных писателей. Историко-критическая оценка указанных источников, в том числе

в свете нашей темы, уже давалась в литературе (Хвольсон, 1869; Аннинский, 1940; Заходер, 1956, 1962; Поляк, 1964; Эрдели, 1967). Кроме того, в списке литературы и опубликованных источников, помещенном в конце книги, дается достаточно полное представление об использованных материалах. Имея в виду эти обстоятельства, автор счел целесообразным сосредоточить внимание на обзоре историко-этнографических и (гл. II) архивных источников, которые в этногенетических исследованиях по башкирам вводятся в научный оборот впервые. В необходимых случаях критическая оценка опубликованных источников и литературы по отдельным дискуссионным вопросам дается в соответствующих главах.

Материалы полевых исследований

В основу исследования легли полевые материалы этнографических экспедиций 1953—1965 гг. За это время Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР было организовано 16 экспедиций и экспедиционных выездов. Маршруты их были составлены таким образом, чтобы охватить все районы, населенные башкирами². Кроме Башкирской АССР, этнографические экспедиции работали в башкирских районах Татарской АССР, а также в Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской и Пермской областях. На Южном Урале (юго-восточная Башкирия) полевые работы проводились дважды (в 1953 и 1958 гг.)³. За годы экспедиционных работ собран обширный материал по этническому составу и истории расселения башкир, зафиксированы родо-племенные тамги, деревья, птицы (онгоны), записаны исторические предания и легенды, собраны старинные башкирские рукописи. По широкой программе проводилась полевая работа по материальной и духовной культуре башкир. Накоплен также значительный материал, позволяющий исследовать структуру башкирского рода, роль патриархально-родовых институтов в общественной жизни башкир, эволюцию системы башкирского землепользования в тесной связи с процессом распада родо-племенных организаций, соотношение башкирского рода и общины на различных этапах их истории и т. д. Итоги исследования систематически публиковались в многотомной серии «Археология и этнография Башкирии» (1962, 1964, 1968, 1971) и в других изданиях Башкирского филиала АН СССР.

² Материалы экспедиций (дневники, фотографии, рисунки) хранятся в архивном фонде ИИЯЛ БФАН СССР.

³ Постоянными участниками всех экспедиций начиная с 1958 г. были, кроме автора, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, М. В. Сурина.

Информаторами, как правило, выступали пожилые колхозники и колхозницы, которым автор, пользуясь случаем, выражает глубокую признательность. В 1950-х годах нередко можно было встретить замечательных сказителей и сказительниц, которые в кругу молодежи любили рассказывать древние предания, услышанные ими в детстве от отцов и дедов. С годами, однако, знатоков древностей становилось все меньше, а вместе с ними навсегда утрачивались своевременно не собранные и не записанные повествования о былой истории и жизни башкир. Если бы наши основные полевые исследования не были проведены в 1950-х—начале 1960-х годов, то большинство материалов, представленных в настоящей работе, не стало бы достоянием науки.

С 1959 г. в Башкирии и башкирских районах соседних областей ежегодно работают фольклорные и диалектологические экспедиции. В дневниках и научных отчетах экспедиций содержится значительный материал, представляющий интерес для нашей темы. Преимущественно это родо-племенные этнонимы, исторические предания, повествования о переселениях или возникновении тех или иных деревень. В процессе работы нами изучены все отчеты фольклорных и диалектологических экспедиций 1959—1969 гг.⁴, что позволило существенно дополнить и обогатить материал, собранный в этнографических экспедициях.

Накопленный полевой материал относится преимущественно к XIX в., а по родо-племенному составу — к XVII—XIX вв. С такой оговоркой он и представлен в книге. В то же время

⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 1, 2. Фольклор башкир Курганской области. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1959 г., т. I—II; ф. 3, оп. 23, д. 5. Материалы по башкирскому фольклору, 1959; ф. 3, оп. 16, д. 1. Научный отчет диалектологической экспедиции ИМЯ Л БФАН СССР за 1959 г. Говоры восточных районов Башкирии; ф. 3, оп. 21, д. 3, 4, 5. Фольклор башкир Оренбургской области. Материалы фольклорной экспедиции 1960 г., т. I, II, III; ф. 3, оп. 23, д. 7. Башкортостандын Борйэн, Билэрет райондары башкорт халк ижады буйынса материалдар; ф. 3, оп. 16, д. 3. Научный отчет диалектологической экспедиции за 1960 г.; ф. 3, оп. 21, д. 6, 7. Фольклор башкир Куйбышевской, Саратовской областей. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1961 г., т. I—II; ф. 3, оп. 21, д. 8, 9. Фольклор башкир Челябинской области. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1962 г., т. I—II, ф. 3, оп. 16, д. 9. Научный отчет диалектологической экспедиции за 1962 г.; ф. 3, оп. 21, д. 9, 10. Материалы фольклорной экспедиции 1963 г. в Свердловской и Пермской областях, т. I—II; ф. 3, оп. 21, д. 12. *Н. Д. Шункаров*. Фольклорно-этнографические материалы, собранные в 1964—1965 гг. в Альшеевском, Бирском, Зианчуринском районах Башкирской АССР и Мензелинском районе Татарской АССР.

Отчеты фольклорных и диалектологических экспедиций последующих лет хранятся в архивном фонде ИИЯЛ БФАН СССР.

в процессе работы автор учитывал консервативность и традиционность патриархальных институтов и атрибутов родо-племенной жизни и, привлекая документальный материал, прямо или косвенно характеризующий этнические процессы в Башкирии в более ранние эпохи, стремился расширить хронологические рамки исследования.

Башкирские шежере

Изучение многих вопросов этнической истории башкир и расширение хронологических рамок исследования стали возможными благодаря введению в научный оборот башкирских шежере⁵. Шежере — своеобразные письменные памятники XVI—XIX, а иногда и более ранних веков. Слово «шежере» (*шэжэрэ*) означает «родословная» или «родословие» (БРС, 1958, стр. 667). Однако такой перевод не исчерпывает значения, которое термин «шежере» имеет в действительности. В историко-краеведческой литературе XIX в. эти письменные памятники назывались по-разному: хроникой, преданием, летописью или просто исторической записью (Лоссиевский, 1881, 1883; Юматов, 1848; Соколов, 1898; Назаров, 1890). Ни один из этих переводов нельзя считать точным. Точный перевод, видимо, и невозможен, так как сами шежере, как по форме, так и по содержанию, неодинаковы. Если одни шежере действительно являются родословными, другие — включают сведения, приближающие их к летописям. И все же большинство шежере, во всяком случае наиболее ценные из них, можно, на наш взгляд, называть (с известной долей условности) «генеалогическими летописями».

Шежере не есть явление, присущее только башкирам. На определенной стадии общественного развития, а именно в эпоху разложения родового строя и формирования классовых отношений, составление генеалогий было распространено у многих народов. Устные шежере бытуют среди казахов, туркмен, киргизов, монголов и других народов (Ахинжанов, 1959, стр. 199; Кононов, 1958, стр. 25; Владимирцев, 1934, стр. 46). Эти памятники древней и средневековой истории у различных народов могут называться по-разному (шежере, тайра, тарих и т. д.), но суть их остается примерно одинаковой. У башкир они включают генеалогию племени (рода) с более или менее подробным изложением выдающихся событий из жизни башкир вообще или чаще данной родо-племенной группы. Древность и традиционность генеалогических

⁵ Развернутую характеристику башкирских шежере см.: Кузеев, 1960; 1972.

летописей у тюрко-монгольских народов не вызывает сомнения. В сущности большинство выдающихся исторических работ средневековья, начиная от «Сокровенного сказания» (1240 г.) и кончая сочинениями Абу-л-Гази (XVII в.), в значительной части опираются на кодификацию родо-племенных генеалогий, из века в век устойчиво сохранявшихся в памяти народов (Петрушевский, 1952, стр. 27; Кононов, 1958, стр. 20, 25).

Создание фонда шежере, которым сегодня располагает научный архив Башкирского филиала АН СССР, заняло несколько десятилетий⁶. Изучение и использование шежере в исторических исследованиях началось значительно раньше, более двух столетий назад. Впервые обратились к этим источникам И. К. Кириллов и П. И. Рычков. Так, в «Истории Оренбургской» борьбу башкир с ногайским господством, некоторые моменты из истории присоединения Башкирии к Русскому государству П. И. Рычков описывает, опираясь на шежере племени мин (Рычков, 1896, стр. 69-70). В другой работе — «Введение к Астраханской топографии» П. И. Рычков использует шежере башкир-кыпчаков (Рычков, 1774, стр. 18-19). Некоторый интерес к башкирским шежере сохраняется и в XIX в. В. С. Юматов (1848) и М. В. Лоссиевский (1881) опубликовали варианты шежере башкир племен мин, юрматы и фрагменты из родословных других башкирских племен. Позднее П. С. Назаров (1890) издал «историческую записку», сочетающую в себе отрывки текстов из шежере башкир племен мин и юрматы. Фрагменты или просто фактические материалы из неопубликованных башкирских шежере содержатся в работах Р. Г. Игнатьева (1875) и Д. Н. Соколова (1898).

В конце XIX и особенно в начале XX в. шежере становятся предметом внимания представителей формирующейся национальной интеллигенции. В исторических сочинениях Ш. Марджани (1885, 1900), М. Рамзи (1907), Г. Хасангата (1909), М. Уметбаева (1897) и др. довольно часто используются шежере. Это был период, когда формирующаяся татаро-башкирская национальная историография стремилась наряду с традиционными (обычно мусульманско-богословскими) источниками использовать и новые, а именно шежере, родо-племенные этнонимы, исторические предания, легенды и т. д. Особенно это характерно для такой крупной фигуры в истории татарской культуры XIX в., как Ш. Марджани, в архиве которого недавно обнаружено шежере башкир племени табын, посланное ему одним из его корреспондентов в Башкирии (Усманов, 1966, стр. 82-83). Для М. Уметбаева

⁶ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 36. Башкирские шежере.

шежере были объектом специального изучения; ему мы обязаны сохранением и публикацией в книге «Ядкар» полных текстов шежере башкирских родов кальсер-табын, кесе-табын и племени айле (М. Уметбаев, 1897, стр. 39—59). В сочинении М. Рамзи опубликованы фрагменты древнего шежере башкир племени бурзян. В 1913—1914 гг. в журнале «Шура» были опубликованы (в подлинниках или в переложении) девять шежере.

После Октябрьской революции и до конца 1920-х годов сбором башкирских шежере занимались историки-краеведы и экспедиции, организованные местными и центральными научными учреждениями. Собранные шежере сосредоточивались в научно-исследовательском институте национальной культуры. Публикаций шежере в этот период было немного. В 1926—1927 гг. С. Мирасовым в журнале «Башкорт аймагы» были опубликованы три шежере: племен юрматы, кыпчак и рода кара-табын. Наибольшего внимания среди них заслуживает шежере племени юрматы, опубликованное с сохранением особенностей текста оригинала (Мерзсов, 1927а). По выявлению и накоплению новых текстов эти годы были, пожалуй, наиболее плодотворными. В фонде Института национальной культуры было собрано несколько десятков шежере. Из-за небрежного хранения, однако, часть рукописей была утеряна. В 1951 г., когда в связи с образованием Башкирского филиала АН СССР были приведены в порядок и тщательно описаны рукописные фонды, перешедшие в научный архив филиала из других учреждений, башкирских шежере оказалось всего 36. Среди них, к счастью, сохранилось несколько старых текстов, ценность которых в плане темы нашего исследования огромна: это шежере племен мин, кыпчак, бурзян, тамьян и др.

Систематический характер принимает работа по выявлению и сбору новых текстов с середины 1950-х годов. За короткий срок удалось обнаружить, как во время полевых работ в районах БАССР, так и в рукописных фондах института, более 15 новых шежере, в большинстве случаев до сих пор неизвестных. В 1960 г. автором настоящей работы была опубликована книга «Башкирские шежере», которая обобщила всю собирательскую работу предшествующего периода. Уже в эти и последующие годы шежере довольно плодотворно были использованы для исследования политической истории башкир в XV-XVI вв. и истории культуры башкир в эпоху позднего средневековья (Кузеев, 1957б; Усманов, 1960; Хосэинов, 1958; Харисов, 1965). В книге «Башкирские шежере» опубликованы фотокопии, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере. Тексты для публикации отбирались с таким расчетом, чтобы возможно шире представить историю раз-

личных башкирских племен. С выходом в свет книги работа по выявлению и сбору новых шежере не прекратилась. За истекшее десятилетие найдено и передано в архив ИИЯЛ еще около 20 шежере. Наиболее интересны среди них шежере рода тюбеляс (или кувакан), племени уран, западнобашкирских племен байляр и буляр, общее шежере племен юрматы и юрми, неизвестный ранее вариант шежере племени кыпчак и др.⁷ Новые тексты подготовлены к публикации и широко используются в настоящей работе.

О достоверности источников типа шежере высказывалось немало сомнений. На первый взгляд они действительно имеют как будто некоторые основания. Шежере записывались (или, точнее, переписывались) муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков аллаха, выдававшихся, согласно мусульманской традиции, за предков башкир. Иногда шежере начинаются с Огуз-кагана или Чингизхана. Реальные исторические личности генеалогически связывались с легендарными героями мусульманской или тюрко-монгольской мифологии. Составители шежере таким путем стремились доказать «знатное» или даже «божественное» происхождение некоторых представителей башкирской родо-племенной знати. В этом нетрудно усмотреть классовую направленность шежере.

Сказанное, однако, не должно ставить под сомнение достоверность основных фактов и сведений, содержащихся в шежере и во многих случаях поддающихся проверке на основе документальных или историко-этнографических источников. К тому же немало текстов вообще игнорируют представления корана или традиции тюрко-монгольской мифологии о происхождении народов. Эти шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей.

Ведя речь о достоверности многих сообщений башкирских шежере, надо иметь в виду то, что они не являются плодом индивидуального творчества. Любое шежере — результат длительной (многовековой) и коллективной деятельности людей. Составление родословной, начатое одним человеком, продолжалось другими и завершалось третьими. В каждом шежере обязательно содержится переложение или пересказ более старых текстов, а также исторических фактов, сохранившихся в памяти народа. В этом смысле башкирские шежере донесли до нас не только родословные биев и «героические» описания их жизни, но и правдивые страницы летописи народной жизни. Следовательно, по социальному содер-

⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. И. д. 6.

жанию башкирские шежере также неоднородное явление. В создании шежере племени или рода участвовали многие поколения и много людей. Среди них могли быть представители различных социальных групп башкирского общества. Большое значение имеет преемственность летописания; каждый новый список шежере содержал в себе копию предшествующего или же его синтезированное переложение. А в предшествующих текстах в свою очередь были сведения и факты, социальная природа и возраст которых различны.

Таким образом, башкирские шежере являются ценными историческими источниками. В то же время в связи с историческими и социальными условиями их создания и развития в них наряду со многими достоверными сведениями и фактами содержатся и некоторые искажения. Последние являются также следствием многократного составления новых списков шежере одних и тех же племен. Отмеченные особенности шежере указывают на необходимость внимательного и критического анализа текстов и строгой источниковедческой оценки содержащихся в них сведений. При этом условия шежере как источники по истории средневековья приобретают первостепенное значение.

Башкирский фольклор и историческая действительность

Башкиры, как и многие другие бесписьменные в прошлом народы Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, создали богатейший фольклор. В эпических сказаниях, легендах, преданиях, исторических песнях запечатлены исторические события, деятельность отдельных лиц, быт и обычаи башкир, социальная жизнь и этнический облик народа. Во многих памятниках устного народного творчества содержатся сведения о родо-племенном составе башкир, о переселениях башкирских племен, их взаимоотношениях с соседями и т. д. Особенную ценность как историко-этнографический источник представляет народный героический эпос башкир, возникновение которого А. Н. Киреев относит к периоду распада первобытнообщинных и формирования раннеклассовых отношений (Киреев, 1970, стр. 47). Обычно героические сюжеты в башкирском творчестве («Урал батыр», «Кузы-Курпэс и Маянхылу», «Кара юрга», «Кунгыр буга», «Кусяк-бий» и др.) в поэтических образах воспроизводят события, характерные для средневекового кочевого общества. В этом плане эти памятники дают значительный материал не только для восстановления некоторых картин этнической истории башкир, но и для характеристики внутренней социальной структуры и социальной жизни общества.

В основе преданий и исторических песен, часто сопровождающихся повествованиями об их происхождении, также нередко лежат реальные исторические события. Конечно, передача этих событий сильно обросла мифологическими сюжетами, кочующими с древних времен из одного сказания в другое, фантастическими образами, гиперболизированной оценкой роли отдельных «батыров» и т. д. Но если исследователю удастся отделить достоверные факты от толстого наслоения, рожденного фантазией сказителей, то в его руках оказываются дополнительные источники, исходящие от самого народа, новые факты, которые никаким другим путем получить нельзя. Таковы, например, историческое предание юго-западных башкир, условно названное позднейшими переписчиками «Последний из Сартаева рода», в котором идет повествование о событиях в Башкирии в период войны Тамерлана с Тохтамышем (конец XIV в.); эпическое сказание «Кусяк-бий», ярко отражающее борьбу юго-восточных башкирских племен за политическую консолидацию (XIII—XV вв.); предание башкир-тангауров «Габдраш-батыр», записанное нами в 1953 г. и рассказывающее о давних башкиро-казахских этнокультурных связях, и многие другие памятники башкирского фольклора. Даже в произведениях с ярко выраженным мифологическим сюжетом («Кунгыр буга», «Сынрау торна», «Акбузат», «Бала карга» и др.) разбросаны многочисленные факты и сведения, представляющие интерес в плане этнических исследований: в них имеются упоминания о древних приаральско-среднеазиатских связях ряда башкирских племен, о путях переселения на Урал, о родовых тотемах, тамгах и т. д.

Вовлечение устного народного творчества башкир в широкие историко-этнографические исследования становится возможным благодаря успешной собирательской и публикаторской работе. Еще во второй половине XIX в. появляется серия работ, посвященных как публикации, так и исторической интерпретации башкирских исторических преданий, легенд и эпических произведений (Небольсин, 1852; Лоссиевский, 1883; Нефедов, 1882; Соколов, 1898 и др.). Подавляющее большинство этих публикаций осуществлено без соблюдения научных принципов издания источников такого рода, что, естественно, снижает возможности их использования.

Наиболее плодотворными в плане накопления фольклорного материала были 1930-е годы. Именно в эти годы учеными, писателями, учителями или просто колхозниками были записаны и переданы в фонд Института истории, языка и литературы наиболее выдающиеся образцы устного народного творчества башкир

(эпические произведения, предания, исторические песни, сказания и др.)⁸. В послевоенный период систематический сбор фольклора возобновился в конце 1950-х годов, когда ИИЯЛ БФАН СССР вновь стал организовывать ежегодные фольклорные экспедиции. Экспедициями более чем за десять лет накоплен громадный материал, однако с точки зрения историко-этнографической ценности он уступает фольклорным памятникам, собранным раньше; эпические произведения, сказания, исторические песни в связи с изменившимися условиями постепенно стираются в памяти народа, а во многих случаях и вовсе исчезают.

Некоторая часть собранного материала опубликована в 1950-х годах (Харисов, 1954, 1959). В настоящее время начато научное издание многотомной серии «Башкирское народное творчество». Вышла в свет первая книга серии, в которую включены наиболее значительные эпические памятники эпохи средневековья (БХИ, 1972). В то же время классификация памятников башкирского фольклора по принятым в современной науке принципам еще не завершена. До недавнего времени не было также специальных исследований, помогающих понять исторические основы башкирского фольклора. В последние годы исследования в этом направлении заметно оживились. Появилось несколько весьма ценных работ, в которых предприняты интересные попытки установить соотношение исторической действительности и некоторых сюжетов из средневековых памятников башкирского фольклора (Харисов, 1965, стр. 80—110; Киреев, 1970, стр. 21—47; Мингажетдинов, 1971). Однако исследование исторических основ башкирских фольклорных произведений в них лишь начато. Датировка, историко-этнографическая характеристика даже основных памятников башкирского народного творчества пока остаются неясными. Причина не только в общей трудности решения проблемы, в излишнем стремлении исследователей те или иные произведения фольклора связать с конкретными историческими фактами и т. д., но главное — в неразработанности теоретических вопросов, связанных с выявлением общих тенденций развития фольклора у бывших кочевников в пору зарождения и формирования наиболее крупных эпических памятников. Между тем историко-этнографический материал, который в определенной части по своей природе является также фольклорным, подсказывает, что степень и глубина связей устного народного творчества с исторической действительностью в разные эпохи различна. Конечно, в любые пе-

---

⁸ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 222, 223, 227, 230, 233, 242, 269, 276, 277, 292, 294, 298, 300, 303, 336.

риоды древности и средневековья в эпических сказаниях, народных преданиях, легендах и т. д. было что-то от действительности, что-то от фантазии. Однако героическая эпоха, совпавшая с распадом родовых и становлением классовых отношений, оставила особенно глубокий след в памяти народа, и люди еще очень долго, многие столетия, жадно слушали повествования о героях и батырах, постепенно дополняя эти предания новыми, более свежими сюжетами и деталями. Несмотря на сильнейший налет фантазии, через рожденные воображением могучие гиперболизированные образы эпических повествований и преданий достаточно ясно просматриваются контуры реальной исторической действительности. Памятники башкирского фольклора еще раз иллюстрируют глубокую справедливость слов К. Маркса о том, что «древние народы переживали свою предисторию в воображении, в *мифологии*»⁹.

Фиксируя внимание на перспективности использования башкирского фольклорного материала в качестве историко-этнографического источника, в то же время подчеркнем, что пока эти возможности все же ограничены. Кроме обстоятельств, отмеченных выше, здесь существенное значение имеет взаимосвязанность изучения истории и фольклора. Фольклор, безусловно, помогает понять историю, но, чтобы постичь исторические истоки самого фольклора и проникнуть в закономерности его генезиса и развития, надо хорошо знать историю народа. Теперь многие признают, что значение фольклорных памятников в изучении истории бесписьменных в прошлом народов велико. Но фольклор не может быть единственной и даже основной источниковедческой базой. Фольклор может широко раскрыть свои возможности как исторический источник только в том случае, когда он интерпретируется уже с позиций достаточно широко и обстоятельно разработанных исторических концепций. Вот почему в нашем исследовании мы избегали, несмотря на многочисленные, казалось бы, возможности, использования материала, почерпнутого из устного народного творчества, в качестве основного источника при решении вопросов этнической истории. Как правило, сведения и наблюдения, извлеченные из фольклорных произведений, выступают в работе как дополнительный материал, помогающий усилить аргументацию тех или иных положений. Но и в такой роли фольклорный материал в этногенетических исследованиях кочевых и бесписьменных в прошлом народов занимает как исторический источник почетное место.

---

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 419.

Ономастический материал

Ономастика как специальная дисциплина сравнительно недавно заявила о себе как наука, имеющая широкие возможности в решении главным образом этногенетических, историко-лингвистических и историко-культурных проблем. В Башкирии до недавнего времени ономастика во всех ее проявлениях (этнонимия, топонимия, антропонимия и т. д.) развивалась исключительно как вспомогательная дисциплина. Проводимые ею анализы, хотя и представляли научный интерес, но, как правило, базировались на случайно или произвольно подобранных примерах и мало помогали решению общеисторических задач. Прошедшая в сентябре 1971 г. в г. Уфе III Поволжская ономастическая конференция вскрыла совершенно новую картину. Она показала, во-первых, глубокий интерес ученых Поволжья (и в частности Башкирии) — этнографов, языковедов, историков к разработке проблем ономастики; во-вторых, совершенствование методов анализа ономастического материала и расширение филологического фона производимых сравнительно-исторических экспертиз. Доклады, прочитанные на конференции по этнонимии, топонимии и антропонимии Волго-Уральской области, продемонстрировали широкие возможности ономастики в исследовании проблем этнической истории, истории миграций и др. Материал конференции («Ономастика Поволжья», 1973) использован нами.

В то же время успешно начатая работа в области ономастики в источниковедческом плане требует дальнейшего развития и углубления. Ценность этимологических изысканий, которым историки всегда придавали значение, возрастает при условии установления хотя бы относительной датировки появления данного названия в среде конкретного этноса. Для этого ономастам предстоит основывать свои построения не на фрагментах ономастического материала. Совершенно необходимо накопление данных по всему изучаемому этносу и по всей территории его исторического обитания. Только при этом условии появится возможность историко-хронологического (или стратиграфического) членения материала и далее этимологических и семантических изысканий, опирающихся на системные знания об историческом развитии данной группы названий. В свете указанных требований необходимо отметить работу А. А. Камалова по гидронимии Башкирии (1969). В настоящее время в ИИЯЛ БФАН СССР ведется активная работа по составлению общей картотеки топонимических названий БАССР.